

Александр Зорин по своей природе – лирический поэт. Его исповедальный стих – прямое отражение его личного переживания. Но окружающий поэта мир не позволяет ему сосредоточиться на своём лирическом мировосприятии. Автор раскрывается ещё и в стихах, за которыми таятся его печаль, боль сострадания к человеку. И, таким образом, у нас возникает полнота восприятия жизненной и творческой позиции Зорина.

Д. Ч.

* * *

Снова март чудодейственный призван
Жизнь вдохнуть в запечатанный гроб.
Лес ликующим солнцем пронизан.
Дышит волей горбатый сугроб.
Всюду блещут алмазные грани
Затаившейся близкой страды.
Жаль, однако – вокруг поселяне
Оставляют иные следы.
Уж, наверно, у зверя в берлоге
Чище – да и себе не во вред,
Чем под ёлками, где при дороге,
Видно, был новогодний банкет.
Ах, прославленная Птица-тройка,
Всё летишь, закусив удила...
Там, где ты приземлилась, – помойка
Отпечаталась, землю прожгла.
Подморозило. Ночью кромешной
Охлаждает родимый погост
Крупной солью белеющих звёзд
Март отзывчивый, март безутешный.

* * *

*По мотивам картины К. Маковского
«Дети, бегущие от грозы» (1872 г.)*

Анютка – с рожденья в заботах –
Босая по лугу бежит.
Вцепившись в неё, на закорках
Егорка от страха дрожит.
Кикимора прячется в яме.
Рогатый прикинулся пнём.
Порыкивает за холмами,
Грозится и скалится гром.
Лихая беда неминуча.
Оттуда, нацелясь в обход,
Как будто медведиха, туча
На задние лапы встаёт.
Вот-вот подомнёт... Через реку
По хлипким мосточкам спешит...
И дальше – по склону, по снегу,
Навстречу двадцатому веку
Босая Россия бежит.
А больше и некуда вроде...
Грядущее брезжит вчерне.
При гибельной непогоде
Светло только в той стороне.
Упасть бы хотя под корягу
Какую... И тучу заклясть!
Навстречу Совдепу, ГУЛАГу
Бежит ко всеобщему благу,
Коммунии – в самую пасть.
Как долго в блокаде природной
Ещё ей дрожать и дрожать...
От общей беды безысходной
Помимо той кривды вольготной
Ей некуда было бежать.

* * *

Без иллюзий – ближе, ближе
Видится предел земной.
Доживать нам в этой жиже,
В этой яме выгребной.

После всех экспериментов
По методике – ломать.
Накопилось экскрементов –
Лет за сто не расхлебать.
Ежели на дне колодца,
То бишь ямы выгребной,
Навсегда не захлебнётся
Мой несчастный край родной.
Что ты, брат, глазища пялишь...
Пусть калека из калек,
Ты алкаш, но не опарыш.
Ты крещённый человек.
Век твой злополучный прожит.
Но ломает и корёжит,
По всему, сдаётся мне,
Нас – по нашей же вине.
А если так, то Бог поможет
Даже здесь, на скользком дне.

* * *

Солнце светит иль дождь моросит –
Да в любую погоду –
Человечество издавна мстит
Одному лишь народу.
За Христа изнывало от ран
Авраамово лоно –
Под хвалёной пятой египтян,
Под луной Вавилона.
Строем эллинских, римских когорт
Сметено на край света.
Кодлой красно-коричневых морд
Издырявлено в гетто.
За Христа – до и прежде всего –
Мстят евреям и мстили.
Не за то, что распяли Его,
А за то, что родили.

* * *

*Дорожка в Семхозе, на которой
был убит отец Александр Мень*

Школьники в школу спешат.
Трудящиеся – к электричке.
Скальваю лёд возле батушкиной божнички.
Пятнышко на брусчатке невидимое
ударяет, как шилом,
Возле дорожки, той самой, по которой ходил он.
Дорожка завалена снегом, затоптана...
Но кровь всё равно проступает.
Ни дождь, ни слёзы, ни время –
ничто её не смывает.
Деревья осунулись, впавшие в зимнюю спячку.
Пенсионер прогуливает собачку.
По скользкой дорожке
ступает походкой нетвёрдой.
Собачка учуяла кровь, в сугробы тычется мордой
И тащит по следу хозяина... Хвостиком крутит...
Что-то ещё с этим краем нечистый замутит...
Что-то здесь будет...
То ли провальная плешь с пестротой городской...
То ли опять зарастёт непролазной тайгой...
Ах, что бы ни было... Прошлое будущим грезит.
Но след сохранится невидимый. Шрам не исчезнет.
Исчезнет Россия, исчезла уже,
вся изрешечена в шрамах,
Сколько бы здесь ни воздвигнули клубов и храмов.

* * *

Сквозь ветви в синеве раскосой –
Краса и нега... В лес войти...
От осени златоволосой
Горячих глаз не отвести.
Она же, взоры простирая
К непостижимой высоте,
Как грешница полунагая
У Тициана на холсте.
Природа не грешна, не свята.
Плотским желанием объята,
Телесной влагой налита.
Пьянит в расщелине куста
Томительная прохлада,
Пленительная полнота.

Плод осязаемый – плотный воздух
Доступен, руку протянуть.
В кружащихся одеждах пёстрых
Тоится пышущая грудь.
Оставь душевную хворобу,
Дня принудительную злобу –
Пусть их растащит воронья.
Летам своим не ведать счёту...
Войти в отрадную чашобу,
В трепещущую – войти в неё...

* * *

Молодости не завидую.
Над пробуждением ночным
Восходит она Афродитою
Блещущей, сном золотым.
Ею ничуть не обиженный,
К часу закатному ближе, и
Нынче не меньше богат.
Ибо красою возвышенной
Равны восход и закат.

* * *

Вот Лебедь, Андромеда, Орион,
Вот Волопас... Все в сборе. Все на месте.
В ночное небо я давно влюблён.
А всё ищу хоть малое созвездье,
Которого не знаю... Страж ночной
Уснувших улиц и полей окрестных,
Как будто дом отыскиваю свой...
Как будто там он, в запредельных безднах...

ПЕЛОПОННЕССКОЕ

Наглядеться, надивиться, надышаться...
Я ещё повременю, ещё помедлю...
К каменюге, жаром пышущей, прижаться...
Райским кушам поклониться. Попрошаться...

И – домой. В беду российскую, как в петлю.
От угроз её и совестно и тошно,
Нависающих от самого рожденья.
Приспособились – дышать в удавке можно.
Вырваться б из неё хоть на мгновенье.
Неуступчиво искать опору в крыльях,
Честно вкалывая в логове удава.
Мне всё чаще вспоминается Курилов,
Непрославленный герой – Курилов Слава,
Южной ночью сиганувший с теплохода,
Трое суток пропадавший в океане...
К счастью, выплывший тогда... Кому свобода
Приоткрылась, не удержишь на аркане.
Я, пленённый ослепительным простором,
Не могу на отчий край не оглянуться,
Не подумать о свиданье слишком скором,
О петле, не дать которой затянуться.

* * *

*Из отдыхающих на островах Греции
больше всего немцев.*

Солнце Германии не закатилось.
Располовинена нашей пятой,
Как она быстро восстановилась
После войны сокрушительной, той...
Держится, собранный грамотным кролем,
Генрих – вольнее, чем рыба в воде.
Гансы и Генрихи пышут здоровьем,
Как близнецы на рекламном щите.
Черноволосы, смуглы, кареглазы,
Произрастают – кто вширь, а кто ввысь...
Русые волны нордической расы
Необратимо с другими слились.
Нелицемерно, наверное, просят
Помощи свыше, а не у владык
Мертворождённых...
На шее не носят
Благословенных крестов и вериг.
И никакого не ведая горя
Будто бы... и от забот далеки,
За руки взявшись, ходят у моря
Юные парочки и старики.

К тебе, новоявленный Ирод,
Любовь обездоленных сирот
Зашкаливает на взрыд.
Ковшом телеящика вырыт
Наш путь, костоломный наш быт –
Назад, в ледниковый период.
Направленный рупор сплотил
Толпу зачумлённых громил,
Послушных командному бреду.
И мамонт в ночи вострубил
Косматую вашу победу

ПРЕДЫСХОДНОЕ

Сумрачный закат тяжёл.
Медному подобен слитку.
Вот и август подошёл,
Тихо отворил калитку.
Гость неотвратимый мой,
Заходи смелей, не мешкай.
Кто там за твоей спиной
Притаился – ангел, леший?..
Нынче мы с тобой в ладу
И любой разлад рассудим.
Ну, а в будущем году
Неизвестно, где мы будем.
Вдруг на этой же заре,
Так же гаснущей сурово,
Встретимся?.. На чьей земле?..
Да и встретимся ли снова?..
А куда ждём вестей
Лучших от родных властей,
Не загадываем на год –
Как у них там карты лягут,
От войны или к войне?
Пасынки в своей стране,
В чём-то мы от них зависим,
Приспосабливаясь не
Вторить их повадкам крысыим.
Но зато из майских грёз

Выпутались мы, не скрою,
Искупительной ценою –
Россыпью алмазных звёзд,
Щедро посланных тобою.
Кто там замер позади
Тополя под пёстрой шкурой?..
Не оглядывайся, входи,
Август Августович хмурый.

В ГОСТЯХ

Где ты живёшь, вы спросите, – в гостях...
Уже почти два года обитаю
В гостях... И ни на миг не забываю
Об этом... В интернетных новостях
Ещё живу... Или точнее, витаю.
В гостеприимной деловой стране
Всё неприкаянно, всё чуждо мне.
Опрятный парк, просторная квартира.
И только ночью в дивной тишине
Окликнут в незашторенном окне
Созвездия родные – Лебедь, Лира,
Возничий, Андромеда...
Позовёт
Из дома на свидание, наверно,
На Западе, блистая в свой черёд,
Встающая из пены звёзд Венера.
Она сияет и в моих краях,
О коих ни на миг не забываю.
Где, как всегда в почёте гниль и прах,
Где почивает вековечный страх...
Сегодня, обихоженный, в гостях
Живу...
А завтра будет что, не знаю.